

Александр Иванович Неклесса – председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заместитель генерального директора Института экономических стратегий, директор Центра геоэкономических исследований (Лаборатория «Север–Юг») Института Африки РАН

Трансмутация будущего

Пришествие постсекулярного мира

*Ultima Cumei venit iam carminis aetas;
magnus ab integro saeculorum nascitur ordo.*

Vergilius

*Сызнова ныне времен
зачинается строй величавый.*

Вергилий (перевод Сергея Шервинского)

Некто из древнегреческих мудрецов, пребывая в предсмертной тоске, на вопрос о причинах страха якобы ответил: «Боюсь, что предо мною то, о чем я ничего не знаю». Сегодня мы констатируем все более явное присутствие в социальной и культурной тканях постпросвещенческого дизайна. Но что же именно знаем о настоящем настоящем, каковы его гештальт и контент?

Прочерчивая контур туманной галактики, обнаруживаешь фрагменты обширного панно, однако полноценное описание настоящей эпохи, опознание ее

настоящего имени все еще сомнительно – это мерцающая реальность, смысловое облако. И криптографическая сумятица: общество постиндустриальное, постсовременное, информационное, когнитивное, креативное, сложное/комплексное. Все это лишь обертки истинного, оригинального содержания (энтелехии). Всплывают результаты относительно недавних размышлений. Они фиксируют двойственный облик новой эры: «общество доверия» и его антипод – «контрактный мир», «атомизированная реальность» и «общество участия», социум «энigmatичный» и «прозрачный» *etc.* Существует также особый вокабуляр темы, отражающий настороженность в отношении открывающихся перспектив: «неосредневековье», «постцивилизация», «апостасия», «цивилизация смерти» и т.п. Так что речь пока идет о пороговой интуиции, а следующее далее рассуждение – скорее о кризисе перехода,

версиях и симптомах строя по ту сторону постиндустриального барьера.

Впрочем, уже сейчас можно содержательно обсуждать многие аспекты грандиозной трансформации: исторический, политический, экономический, культурный, творческий, методологический, аксиологический, философский, теологический, антропологический, прогностический... Констатируя при этом системный характер кризиса Модернити.

Между тем феноменология исторического транзита, и без того обильная, продолжает умножаться. Мозаика другого включает радикальное преобразование современной городской культуры, сдвиги в международном праве, глокализацию, дезагитацию, неорегионализацию (геоэкономику), хрематистику финансов,

капитализацию нематериальных активов, стимулирующие и провокативные практики *goodwill*, дигитальную культуру. В плаценте строя вызревают антропосоциальные организмы (АС-структуры), оперирующие новыми средствами господства, самоподдерживающиеся интеллектуальные системы, мутирующие в сложноподчиненные сообщества программ. Происходит смешение черт массового общества с индивидуацией, прописей антиутопии с универсальной транспарентностью, совершается общая трансмутация норм. Одно из направлений обобщения и декодирования обнару-

живаемых феноменов, тенденций и парадоксов — размышления о постсекулярном мире.

«Не мир, но меч»

Секулярность рассекает целостность бытия на сепаратные пространства, разделяя «примордиальные воды» человеческого общежития. Отделяя временное от вечного — но обращенного в статику нормативно-привычного — и отчуждая правопорядок от власти метафизической традиции (то есть действуя как своего рода социальная бритва Оккама), секулярность утверждает автономность публичной сферы от института прямых конфессио-

Прочерчивая контур туманной галактики, обнаруживаешь фрагменты обширного панно, однако полноценное описание настоящей эпохи, опознание ее настоящего имени все еще сомнительно — это мерцающая реальность, смысловое облако.

Ограничивается власть освященного веками порядка вещей. Ответственность за смысловую позицию, жизненный маршрут переходит к личности, становится зоной персонального онтологического риска. Человеку тем самым предлагается пройти сквозь акт второго, осознанного рождения.

нально-правовых регуляций, легализуя совершенно иной формат ее независимости.

Перенаправление юридических и политических функций от религиозных институций к обществу/государству избавляет людей от традиционалистской опеки и клерикального патернализма, прививая склонность к самостоянию. А частичная стерилизация картины мира дискредитирует суеверия, индуцируя тягу к «совершеннолетнему» бытию. Свободный (самостоятельный) выбор миростроительных прерогатив является скорее опытом взросления, то есть развитием во времени, нежели монотонной репликацией бытия: размножением, экспансией в пространстве. Так ограничивается власть плотно сложившегося, освященного веками порядка вещей. Ответственность за смысловую позицию, жизненный маршрут переходит к личности, становится зоной персонального онтологического риска. Человеку тем самым предлагается пройти сквозь акт второго, осознанного рождения.

Отпочковываясь от бессознательно воспроизводимых «провиденциальных рескриптов», освобождаясь от приравненной к ним институциональной мимикрии — меняя, в конечном счете, доминанты, унаследованные от древности, и саму геометрию общественной архитектуры, секулярность придает коммуникациям/действиям специфический импульс, оставляя в теле человечества занозу, провоцирующую исследовательский пыл, желание перемен. А в итоге неочевидным образом прививает древу истории позаимствованную у своих мировоззренческих истоков витальную устремленность к дальним целям бытия. И как следствие формирует культуру свободного выбора, осознанного

Откровение привнесло некогда в античное общество вкус и умение жить преимущественно во времени, а не просто в пространстве. История же, обретая в откровении смысл, обнаруживает в земной практике механику перемен. С этого момента диахронный маршрут определяется миростроительством.

Развитие естественных наук, демократических политических институтов, культурного плюрализма — все те достижения, которые мы обычно связываем с западной цивилизацией, — едва ли можно понять без учета того первого импульса, которым послужила Библия. Хотя люди уже давно не осознают этой связи, она все еще существует. Культурные влияния продолжают действовать еще долго после того, как бывают забыты их источники».

Для этой культуры характерна энергия преобразований из-за признания особого достоинства человека и высочайшей сложности мироустройства, во многом неопознанного, парадоксального, даже алогич-

ного с людской точки зрения, однако же постигаемого взрослеющим разумом. Здесь истоки неспекулятивного знания (упомянутых выше естественных наук) и многовекторной динамичной трансформации. Сформулированные и транслированные некогда христианской мыслью представления о нелинейной природе мира (тринитарное богословие, христологическая антропология, потенции креации/преобразования универсума), засеяв почву Нового времени, оплодотворив ее, обернулись познанием данной культурой — но уже в секулярном обличье, порою трагическим образом — удивительных порядков бытия. Следствием этого станет со временем процесс повторно-

го сближения быта, мировоззрения и метафизики.

Дорожная карта – I

Людям, мучительно переживавшим утрату привычной целостности, модификацию координат реальности, предстояло также пройти сквозь последовательное разрушение прежних идеалов и порядков. Социоген современности — городская культура. Дорожная карта Нового времени начинает отсчет маршрута от производительных городов-государств, коммунальных обществ, проложивших путь от средоточия политических функций и экстенсивной торговли к расширенному воспроизводству мануфактур и фабрик, городскому праву и муниципалитетам, соединенным провинциям и республиканскому общежитию. А также «гражданскому политическому сообществу для установления более совершенного порядка» («Мэйфлау-

эрское соглашение», 1620) и «Декларации прав человека и гражданина».

Средневековье уже беременно Новым временем, вынашивая в своем лоне зачатую секулярность современности. Тут корни парламентаризма, представительской демократии (депутатов как заместителей народа), налоговой реформы, разделения властей, независимой судебной системы, гражданской самоорганизации, конфессиональной, расовой терпимости и т.п. Варварское состояние Европы, вся сумятица Темных веков перемалываются на жерновах одолевшей упадок, преобразующей себя и человечество городской культуры. Той культуры, которая, отвергнув мир феодальных доменов, сословного общества, породила гражданство, политическую нацию, национальное государство.

Третье сословие бюргеров, буржуа, горожан, граждан создает среду для левых идеологий, утверждая революцию, а

Кризис секулярного мира – отражение нынешнего транзитного состояния христианской цивилизации, что подразумевает: современное общество есть ее актуальный аспект. Следует признать, подобное утверждение способно шокировать обыденное сознание.

не войну в качестве доминантного инструмента эпохи. Развитие же мыслительного и технического инструментария обеспечивает промышленную революцию, сопровождаемую «инженерным энтузиазмом», в то время как восстание масс открывает шлюзы форсированной этатизации – главной политической технологии XX века.

Экспансия христианской цивилизации, сопровождаемая евангелизацией и колонизацией, распространяется на окружающие пространства, переходит на другие континенты, охватив со временем практически всю планету.

■ В XX веке континентальные монархии и морские (коло-

ниальные) империи окончательно уступают место национальным государствам. Одновременно прочерчиваются траектории взлета и деградации эпохи – путь трансгрессии гения Модернити. Что вкупе с высоким уровнем техносферы – уровнем, достигнутым цивилизацией, производящей изощренные механизмы (кратно усилившие возможности человека, позволившие оперировать многоуровневыми системами), – сформировало облик позднего индустриализма. Частичная стерилизация картины мира, некогда заложенная в секулярном концепте, и произошедший к тому времени реванш линейной логики (в сравнении с нелинейностью мировоззренческих постула-

Социоген современности – городская культура. Дорожная карта Нового времени начинает отсчет маршрута от производительных городов-государств, коммунальных сообществ. Варварское состояние Европы, вся сумятица Темных веков перемалываются на жерновах городской культуры.

тов и ментальных схем *Universum Christianum* Средневековья) влекли многообразные следствия.

Обществу, сложившемуся к началу прошлого века, свойственны активное технологическое конструирование, интенсивное производство, взгляд на государство как на политическую машину («аппарат»), на войны – как на форму индустриальной деятельности. И, парадоксальным образом по отношению к основам этой цивилизации, на личность – как на «машинного человека» (*Maschinenmensch*) либо, несколько иначе, – как на «винтик». Получила развитие социальная инженерия, сформировался новый класс – номенклатура (или партийная/национальная/федеральная, а затем международная бюрократия), своего рода страта политических инжене-

ров («аппаратчиков») эры индустриальной цивилизации. Машинизация общества и как следствие механистичность представлений о мире и человеке (габитус индустриализма) вели к уплощению восприятия реальности, ее дальнейшей редукции, опустошению человечности, омертвлению и даже своеобразной социальной некрофилии. Этатизм – это, пожалуй, самый яркий феномен века, имевший драматичные следствия, обнажившие кризис цивилизации, зыбкость проведенной ею лимитации границ зла, зияющую неполноту интеллектуальной рефлексии. Иначе говоря, следствия, осмысление которых заставляло задуматься о более глубоких корнях проклятых вопросов, обоюдоострых аспектах темы промысла и проблемы отчуждения, о стезях теологии после ГУЛАГа и Освенцима.

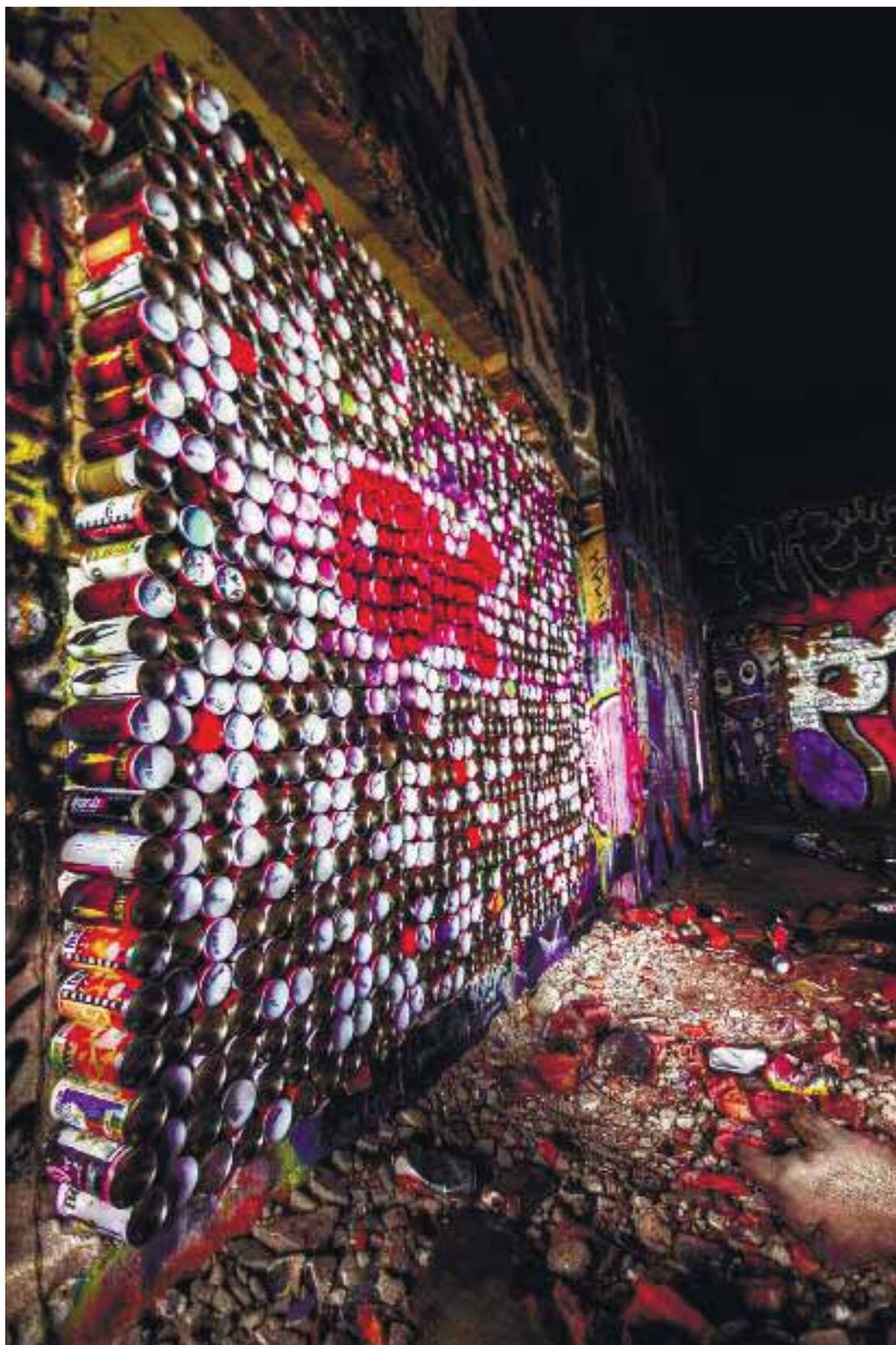
В сферах же практики размышления об экспансии, гегемонии, претензиях этатизма стимулировали поиски конструктивной деконструкции подобного положения вещей. И одновременно активизировали попытки опознать альтернативную этатистскому корпоративизму комбинацию политической триады «государство–бизнес–общество». Иначе говоря, усилили стремление найти оптимальный баланс этатизма, предпринимательства и коммунитаризма. Эскизы различным образом трактуемой золотой формулы организующего решения отразились, к примеру, в таких доктринах, как ордолиберализм («социальное рыночное господство») или неолиберализм («контрактный мир»), а также в обновленных прочтениях коммунальной практики (неопрудонизм, субсидиарность, а впоследствии альтерглобализм, движение ассамблей, «оранжевые» инициативы и т.п.).

Новая корпоративность, сделав ставку на неолокковский конкордат общества и бизне-

са, подавила претензии этатизма на тотальное доминирование в политической комбинаторике. И тем самым породила иной комплекс противоречий: между протоформами глобальной бюрократии (очередной метаморфозой этатистской идеи), неолиберальной «оцифровкой мира» (дигитальной/информационной каталогизацией/капитализацией реальности) и антропологически ориентированным замыслом креативной вселенной (нелинейным, подвижным, синергийным сообществом). Конфликт, отраженный, в частности, в состязании национального и глобального управления или в противоречиях между склонной к правовому насилию «бета-версии» контрактного мира и ориентацией на расколдовывание творческого дара как доминирующего источника внутреннего/внешнего благосостояния и развития. Либо между статическим и динамическим форматами восприятия практики.

Дорожная карта – II

После двух мировых войн («Тридцатилетней войны» XX века), следуя логике отмирания империй, универсализации идеи национального государства и борьбы за свободу торговли, инициируется процесс деколонизации, имевшей собственный исторический маршрут, свой список открывшихся ран и кровоточивых поражений. Резня между индусами, сикхами, мусульманами в Индии. Погромы хуацяо в Индонезии. Режим красных кхмеров в Камбодже. Иди Амин и Бокасса. Биафра и Руанда, Дарфур и обломки Сомали, «конголезские» войны рубежа тысячелетий, злодеяния «Освободительной армии господина» и т.д. Выход на арену третьего мира, затем глобализация и сопутствующая ей трансгранич-

Развитие мыслительного и технического инструментария обеспечивает промышленную революцию, сопровождаемую «инженерным энтузиазмом», в то время как восстание масс открывает шлюзы форсированной этатизации – главной политической технологии XX века.

Машинизация общества и как следствие механистичность представлений о мире и человеке вели к уплощению восприятия реальности, ее дальнейшей редукции, опустошению человечности, омертвлению и даже своеобразной социальной некрофилии.

ность в числе иных следствий ведут к слому цивилизационного стандарта, вселенской мультикультурности, плотному сосуществованию аксиологически и теологически автономных миров. Совмещение традиционалистских инклюзий с ареалами позднего индустриализма и подвижной реальностью постсовременности подчеркивает кентавричность комплексного сообщества.

Черты нового строя можно различить во множественных трансформациях социосреды, глокализации метаполисного (основанного на гравитации hub'ов) ландшафта, растворении гражданского (то есть «городского», «национального») общества в транснациональной среде, становлении пост-

Выход на арену третьего мира, затем глобализация и сопутствующая ей трансграничность в числе иных следствий ведут к слому цивилизационного стандарта, вселенской мультикультурности, плотному сосуществованию аксиологически и теологически автономных миров.

городского, деэтактизирующегося и частично виртуального универсума.

■ К концу века утрата оснований прежним строем становится очевидной.

Рушатся классовые, расовые, национальные перегородки, и параллельно возникают новые. Привычные коллективные несогласия замещаются индивидуальными разночтениями, совершается контркультурный переворот. В постиндустриальном контексте

прописываются позиции критического интеллектуального креативного класса, происходит революция элит.

Человеческий космос персонализируется и усложняется, бывшие иерархии, способы действия распадаются либо преобразуются — порою с точностью до наоборот. Достаточно вспомнить динамику удельного веса нематериальных и материальных активов или диверсификацию капитализации в текущей экономической практике. Принцип делегирования властных пол-

Черты нового строя можно различить во множественных трансформациях социосреды, глокализации метаполисного (основанного на гравитации hub'ов) ландшафта, становлении постгородского, деэлитизирующегося и частично виртуального универсума.

номочий ставится под сомнение, происходит сдвиг к непосредственной (прямой), но асимметричной кратии пассионарностей – кратии, ори-

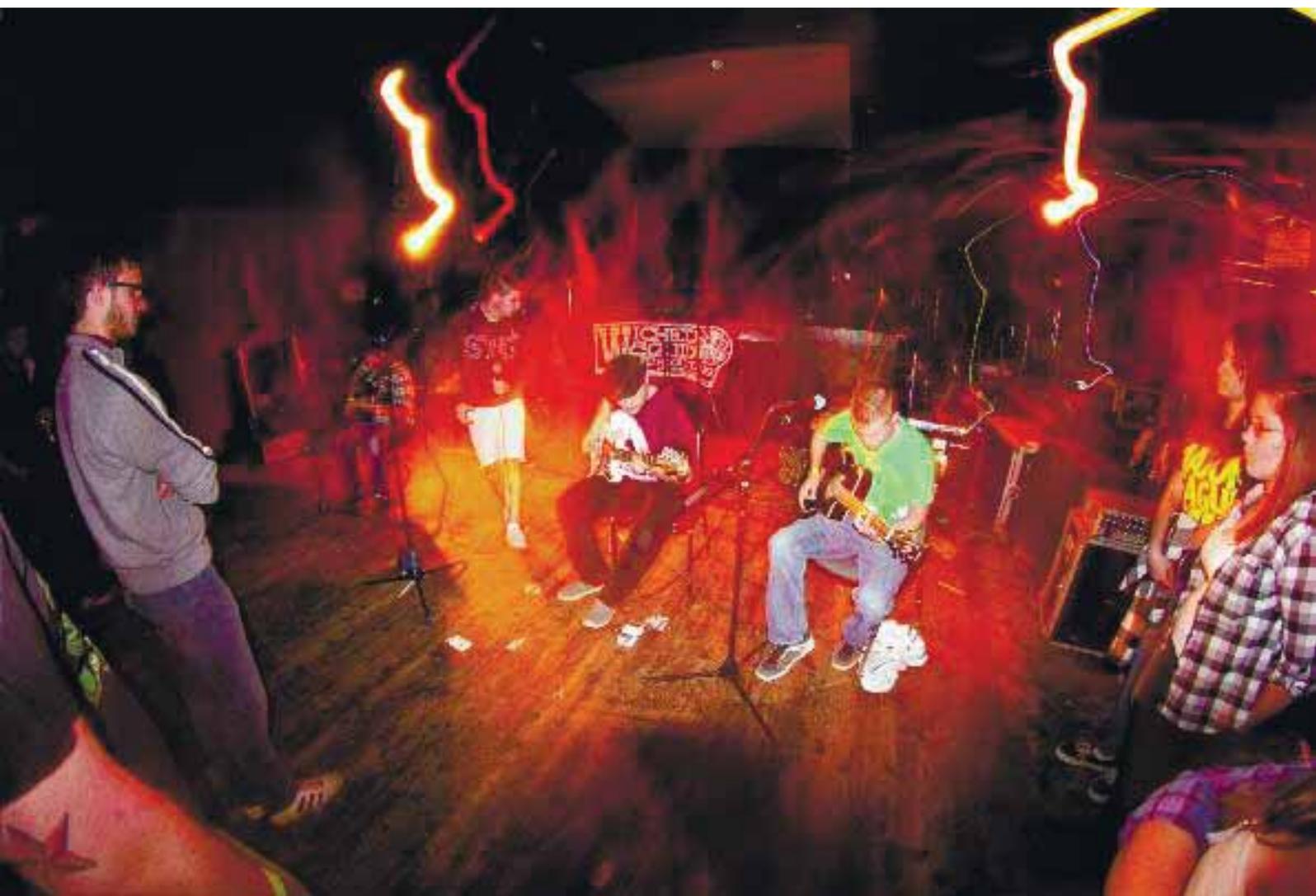
ентированной более на социальное, нежели политическое пространство (и его обновление). А в самом обществе нарастает «бешенство

превращений», ведется страстная борьба за право на индивидуальность и самовыражение (индивидуальный суверенитет).

В антропологическую вселенную вновь широко вторгается метафизика. Скорлупа секулярной светскости, обеспечившая вызревание сугубо человеческих качеств и оставившая некогда людей один на один с неопознанными мирами, раскалывается. Люди получают новую степень свободы, и наступившие времена, в сущности, не что иное, как очередной такт духовной алхимии – проверка достоинств/недостатков, обретенных в лишь отчасти замкнутой галактике. Это скорее мир характеров, нежели типажей: арена персон, полускрытых в постепенно рассеивающемся тумане времени.

Развоплощение окостеневавшего мира сменило прошлое расколдовывание. Реальность была заново прочитана: сняты многие ограничения, устранены некоторые отчуждения, а стандартные процедуры верификации – наследие индустриальной культуры – вытесняются дерегуляцией и субъективной оценкой ситуации (то есть преобладает сознание уникальности *ad hoc*). Иначе говоря, формальная определенность уступает место бытийному релятивизму. Вопрос «как это на самом деле?» утрачивает прежнее значение при доминировании содержания над формой упаковки. «Физическое» понимание реальности перетекает в «фактическое». Более важными оказываются конкретный статус обстоятельств и представления о них.

На фоне роста цены нематериальных активов происходит трансмутация реальности – реабилитация виртуального, психического, метафизического измерений бытия.

Постсекулярность

Постсекулярность толкуется различным образом, существуют ее «западная» и «восточная» ипостаси, в практической же аналитике доминирует комплексный подход.

Тема постсекулярности в определенной мере является реакцией на трагический опыт XX века — дискредитацию прогресса, прочих просвещенческих идеалов, самой сценографии Модернити. Сегодня эта тема фиксирует амальгаму социализации (обобществления) и приватизации (персонализации) сложных схем мировидения в соответствии с переменами в понимании реальности. И одновременно — кризис институционального христианства как «религии», его дробле-

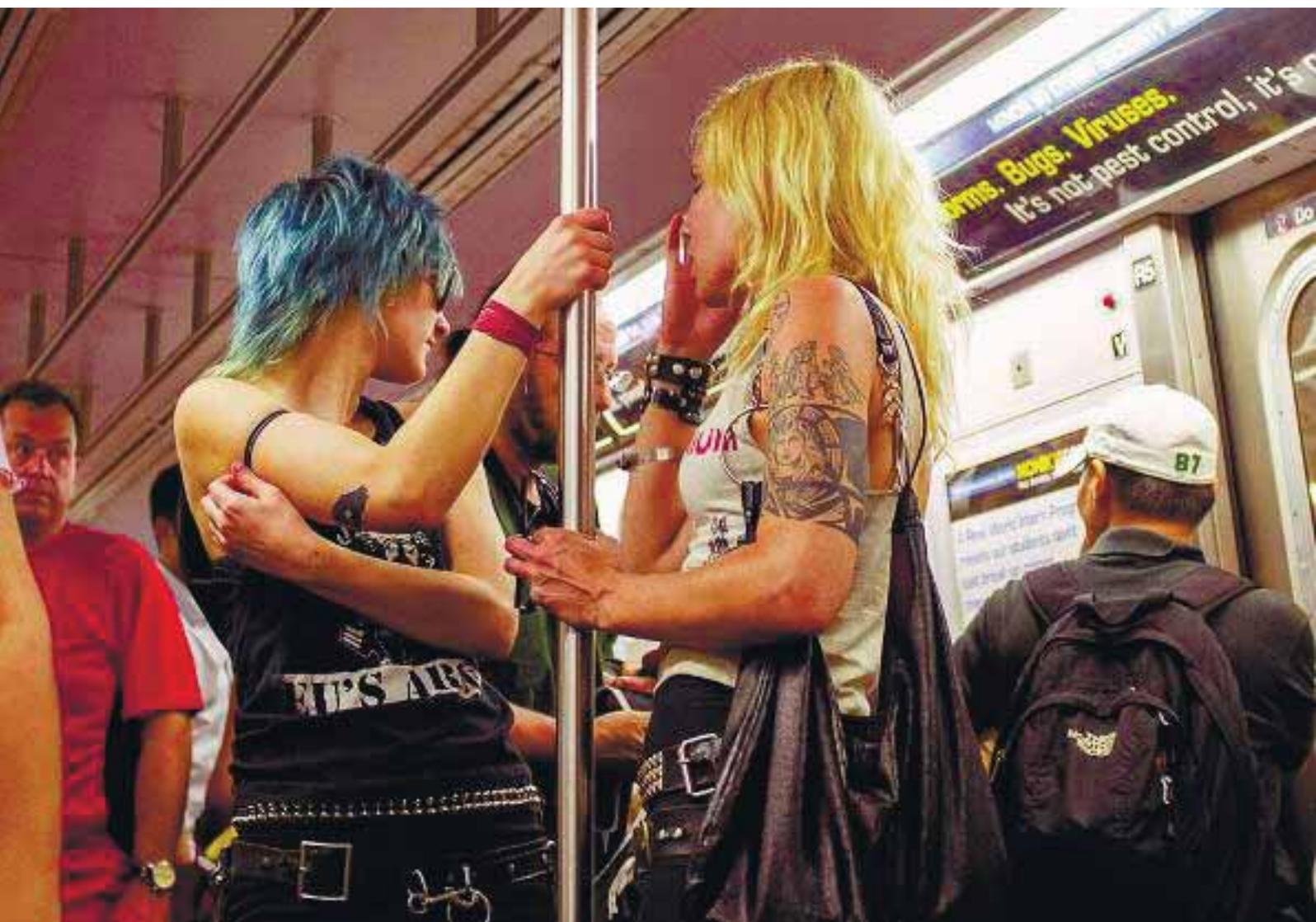
ние на конфессиональные молекулы, поликефалию, многоликую ферментацию, растворение в повседневности, быте.

Равным образом фиксируется культурная растерянность эпохи, обострение ее охранительных рефлексов, общая фрустрация, смесь депрессии/ажитации позднего индустриализма, обнаруживаемые в едва ли не экспоненциальном росте систем контроля и безопасности, избылии симулякров, моральном релятивизме, консьюмеризме, иных проявле-

ниях феноменологии массового общества, а также в эксцессах секуляризма.

Рационализм, воплощаемый как редукционизм, ведет к восприятию реальности как тривиальности. Светскость же, трактуемая как прагматичный, слишком прагматичный шаблон, уплощается, теряя культурную полноценность, а заодно историческую легитимность. Усеченный индивид творит конъюнктурные коллажи из обрывков прописей и осколков прежней картины мира.

Привычные коллективные несогласия замещаются индивидуальными разночтениями, совершается контркультурный переворот. В постиндустриальном контексте прописываются позиции критического интеллектуального креативного класса, происходит революция элит.

Происходит сдвиг к непосредственной, но асимметричной кратии пассионарностей – кратии, ориентированной более на социальное, нежели политическое пространство. А в самом обществе нарастает «бешенство превращений», ведется страстная борьба за право на индивидуальность.

■ Поздний индустриализм балансирует на подвижной границе с зарей Постмодерна. Постсекулярность может рассматриваться в подобной схеме как инструмент адаптации к возникающим вызовам времени. А заодно как попытка освободиться от остатков «искусной искусственности» пантеизма и мимикрии нигилизма, окультуренного под здравомыслие. Мультиконкретная модель пробуждает к жизни гипер-

реализм бытийного текста, основанный на деконструкции *wishful thinking* схоластичных прописей Просвещения («хотелок Модернити»). Причина – в настойчивом поиске подлинности, стремлении искушенного духа постичь смысл событий, каким бы тот ни оказался. Это – экзистенциальная позиция, которую нельзя обрести простым путем или купить за медные деньги, но которая произведена на свет трагическим опытом, вынужденным мужеством и...

отчаянным эскапизмом. Предопределив тем самым осязаемый сдвиг в мировидении. Жесткие истины, возможно, приоткрываются слишком рано, либо же это нечто, превосходящее способность человека принять иную версию реальности. Подобно мастеру-творцу Виктору Франкенштейну *Zeitgeist* расчленяет, преобразует, сочетает – подчас в эпатажной комбинаторике – привычные, то есть прошлые, трактовки, «музейные представления», рассматривая их в качестве простых красок на палитре – рутинного подспорья в неистовом поиске квинтэссенции бытия. И обращается с ними как с подручным материалом, существен-

но меня при этом значение категории «коллаж».

Во всяком случае, европейская версия постсекулярности — не досекулярное состояние и не возврат к прежней конституции (как Контрреформация не означала возврата к дореформационным порядкам), не религиозно-словесная унификация и не реванш религии в прежнем формате. Скорее результат долгосрочной индивидуации, симптом «хорошо темперированной» социальной/ментальной полифонии, хотя порой с элементами какофонии.

■

Однако постсекулярность — это также эклектичный дизайн постколониальной трансгрессии, мультикультурная взвесь, оседающая на территориях диффузного сосуществования, не вписывающаяся в региональную социокультурную модель (наиболее яркий пример — «реколонизация Европы»). Глокальный интернационализм демонстрирует разницу в энергетике геокультурных потенциалов. И кризис прежнего цивилизационного ценза.

На пороге века возродилась тема цивилизационной конкуренции. В условиях постколониализма европейская сумятица соприкасается, совмещается с разноликой экспансией Востока. Возникает, в частности, диалог о потенциях ислама, об универсализме мусульманской идентичности (особые темы: перспективы евроислама, посткемалистская модель, глобальная дисперсия специфической правовой системы, рост ее влияния, признания, ползукая легитимация и т.п.). К тому же «арабская весна», замещающая светский авторитаризм умеренным исламом, запустила на Большом Ближнем Востоке процесс формирования постсекулярного геополитического массива в собственной редакции.

литического массива в собственной редакции.

Постсекулярность связана, кроме того, с той универсальной антимодернизационной волной, которая, по-своему опровергая и отвергая плоды Модернити, реализует себя в форматах деятельного консерватизма, нового традиционализма, порою в обновленческой, фундаменталистской либо сугубо спиритуалистичной упаковке.

Проявляется она также в химеричной, неоархаичной реальности распавшихся или несостоявшихся государств...

Критический рубеж

К перечисленным выше явлениям примыкают аксиологический и антропологический кризисы.

Христианская концепция личности, сама логика активной, деятельной позиции подводят события к предельной ситуации. Люди, будучи лишеными прежнего груза природных и социальных обременений, с какого-то момента оказываются в критической зоне, став существенно свободнее в выборе ценностных ориентиров и миростроительных перспектив.

Личности, восстанавливающей суверенитет, приходится заново переживать крушение мироустройства. Изменение духа времени, нарастающий релятивизм норм, метаморфозы привычных объектов индуцируют движение от едва ли не тотальной стандартизации массового общества, поп-культуры, духовного материализма и «нахальства посредственности» к восполнению некогда изъятой полноты. Избавление разнообразия от тенет редукции и обескровливающего исчисления жизни ведет к оригинальным формам сложноорганизованного быта, индивидуации пассионарных персон, неотчуждаемости их креаций, легализации коммунитарных

институтов и альтернативных маршрутов практики.

Сложность будущего отчасти замещает тоску по завораживающим иллюзиям прошлого, его интригующей необъятности. Тоску, столь свойственную не слишком искусственному разуму.

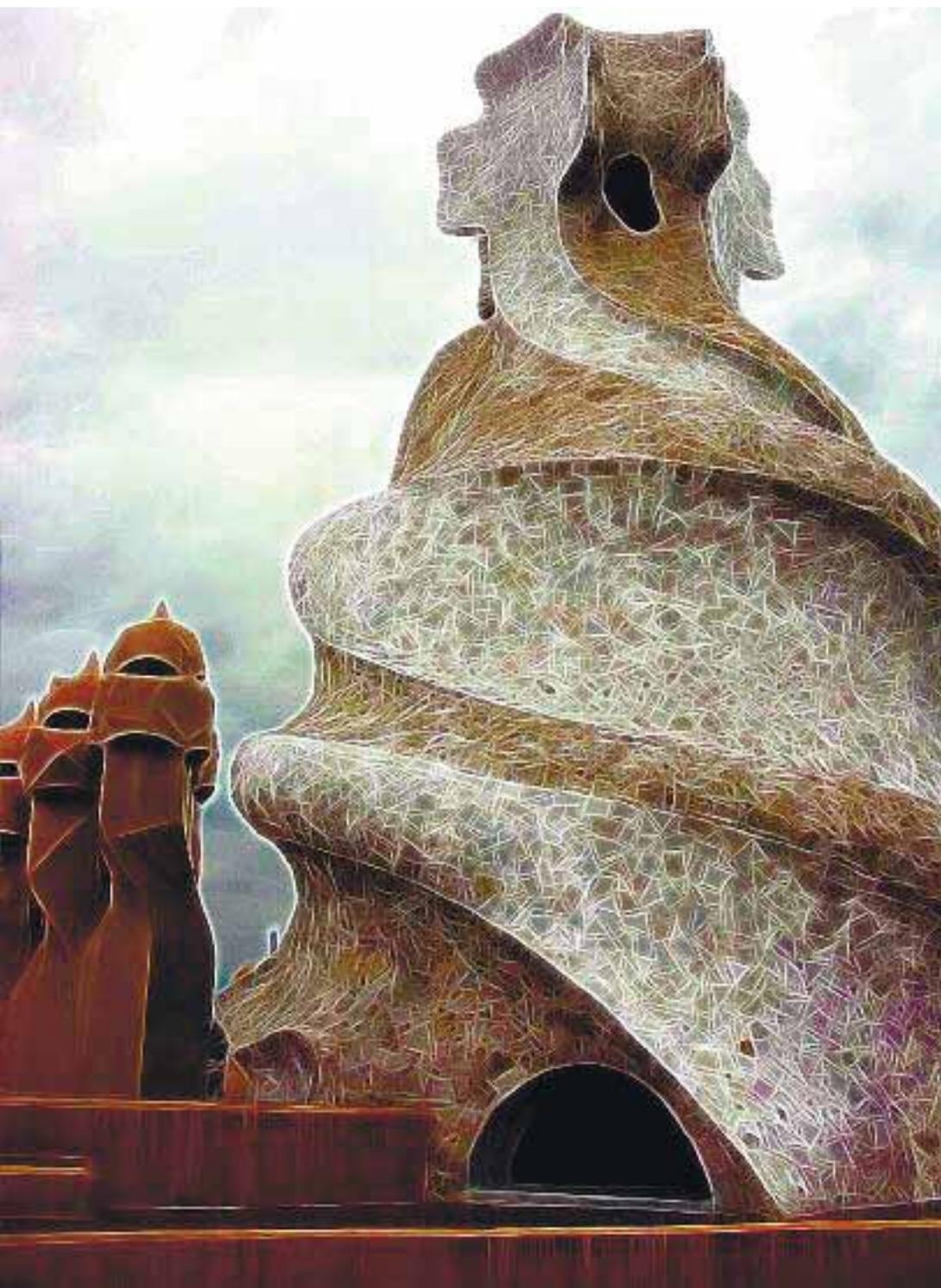
Кода-то отсеченные, но восстающие в сумеречном свете межсезонья видения пробуждают полузабытые, отодвинутые в сторону прочтения «заколдованного» мира. Однако, транслируя из частных сред в пространство публичных коммуникаций многоязыкость текстов — и, как следствие, усложняя нормы общежития (правоприменение), — индивид подвергает проверке не только достигнутую степень толерантности, но также умение удерживать субъектность. Иначе говоря, способность осознавать себя и проявляться во взаимоотношениях с миром и людьми не в качестве объекта, подавленного коллективной волей суеверности (инерционным или конъюнктурным консенсусом), но суверенной личностью — источником действий, проб и ошибок в драматичной антропологической вселенной.

Так преодолевается секулярный барьер, происходит новое смещение земли и неба.

■

Дорога из второго в третье тысячелетие пролегает на руинах представлений о прогрессе и естественном человеке. Это путь, ведущий от декларации «смерти Бога» к провозглашению «смерти человека». И восстанию элит.

Углубленное познание природы, кажется, предопределяет генезис антропологического естествознания как комплексной (в синтезе с этнологией) науки о людях и сообществах. В числе тем — реальность и миражи радикальных преобразований. Неоантрополо-

Сегодня тема постсекулярности фиксирует амальгаму социализации и персонализации сложных схем мировидения, кризис институционального христианства как «религии», его дробление на конфессиональные молекулы, поликефалию, многоликую ферментацию, растворение в повседневности, быте.

гическая революция. Общество «массовой индивидуации». Гипотезы о постчеловечестве. Мультипликация ин-

терфейса с техносферой. Суррогатные профессионалы. Энтузиазм и фантазии трансгуманизма. Генетические мо-

дификации, клонирование. Перспективы различных форматов допинга, технической и химической инструментализации тела, его функций, метаболизма. Искусственная стимуляция мозга, включая психофизические, нейрогуморальные девиации. Физиология мышления и действия в условиях неопределенности. Квир-идентичности. Савантизм. Проскопия. «Спонтанное» расширение сознания и одновременно – вероятность его уплощения, неоархаизации (ср. клиповое мышление, двоеверие, мистификация карт жизни, неокарго, гиперрефлекторность, деградация интегральной архитектуры и т.д.).

К тому же появляются качественно иные субъекты практики. В зазоре между гибкостью человеческого разума и дигитальным могуществом ИТ обнаруживается сообщество программ, обретающее ум, отличный от человеческого. И определенную автономность. Рассматриваются также сценарии внешней/внутренней киборгизации (то есть метаантропологической субъектности) – процесс, ведущий к генезису еще одной формы интеллекта. Техносфера под воздействием меняющихся поколений ботов становится интерактивной и рефлексивной, генерируя симбиотические ветви эволюции. К примеру, одно из определений нового града – территория, где обитает Интернет. И это не метафора.

Между тем девальвация жизни усугубляется (пересечение рубежа «семи гигатонн» обитателей планеты, голодный миллиард, трофейная экономика, трупобные опухоли, анонимизированные сообщества), происходит ее «конвертация с различной курсовой стоимостью», провоцируя мысли о вспышке массовой и эффективной деструкции.

В итоге на дорожной карте цивилизации обозначилась точка сингулярности человеческой вселенной — точка, чреватая большим социальным взрывом.

***Deus irae**. В ожидании следующего удара**

Желанием отдаленного словно огнем

разжигаются все части души, отсутствующее вменяется ими за присутствие.

И туда простираются все помыслы.

Преподобный Исаак
Сирин

Революционер — человек обреченный <...> в глубине своего существа не на словах только, а на деле разорвал он всякую связь с гражданским порядком, и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него — враг беспощадный, и если продолжает

* Гневное божество, лат.

Избавление разнообразия от тенет редукции ведет к оригинальным формам сложноорганизованного быта, индивидуации пассионарных персон, неотчуждаемости их креаций, легализации коммунитарных институтов и альтернативных маршрутов практики.

жить в нем, то только для того, чтобы вернее разрушить. <...> Наше дело — страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

Сергей Нечаев

«Что будет завтра — боясь разгадывать», — предостерегал Гораций... Но если все-таки заглянуть за горизонт, прочерченный в согласии с основным качеством живого существа — инстинктом бытия, связанным с конструктивными формами существования?

Происходящие события заставляют пристальнее вглядеться в траектории инволюционных процессов, которые, спорадически возникая, множатся по мере хаотизации прежней организации жизни. А также задуматься о возможных следствиях предельных форм концентрации гнева,

боли, незащищенности, испытываемых на планете слишком многими. И особенно — вспыхивающих то тут, то там чувств отвращения к образовавшейся конструкции мира. Иначе говоря, сегодня приходится размышлять о сценариях, в основе которых лежат идеи и эмоции, способные активировать темную сторону человеческой природы в полном соответствии со свободой выбирать между добром и злом. В том числе в пользу мрачного выбора.

■
Христианство мыслит категориями восстановления, исцеляя и обновляя человека. Оно возвращает заблудившимся в древних лабиринтах чувство свободы и полноты бытия. Отделяет от ветхости мира сего. Лишает чар гос-

Цели обновления затуманиваются миазмами помраченного ума: мировоззрение, утратив целостность, рождает лишенное благодати потомство – поколение призрачных и корыстных идеологий. Вожди бродящих во мгле – из племен отверженных и неприкаянных.

подства природу, расколдовывает ее.

Но обретая власть над природой, люди начинают мыслить бытие как пространство утилизации, промышленять им, тиранствуя над переданным в управление естеством, унижая, гипостазируя обретенное дорогой ценой достоинство. Индустриализм, расширяя возможности и утверждая могущество, одновременно усугубляет ситуацию, превращая человека в эффективную функцию, жизнь — в сумму операций. Опошление дарованных сил вызывает протест живой плоти, ведет к восстанию против омертвления и деспотии. Но зло собирает дань, по-своему используя обретенную человечеством мускулатуру.

Цели обновления затуманиваются миазмами помраченного ума: мировоззрение, утратив целостность, рождает лишенное благодати потомство — поколение призрачных и корыстных идеологий. Вожди бродящих во мгле — из племен отверженных и неприкаянных.

Постиндустриализм отчасти лечит подобное подобным, снимая диссоциации, демонтируя местами проржавевшую механику исторического конвейера. Мир замер в ожидании результатов рукотворного преобразования, трепещет перед энigmой самовосстановленного человечества.

Элитный переворот

«Им всякая чужбина — отечество, и всякое отечество — чужбина». В недрах практики на рубеже тысячелетий проявился субъект, активно влияющий на реальность. Это комплексные сообщества, эффективно действующие личности/группы, отсеченные от прежних корней, но получившие доступ к могучим инструментам трансграничной цивилизации — финансовым,

информационным, организационным, техническим.

Энергичные конклавы — корпорации, союзы, клубы, коммиссии, глобальные племена, сетевые интегрии, «торыборы», — вдохновляясь футуристичными горизонтами и ощущая себя — независимо от регалий прежнего порядка — элитой Нового мира, способны драматично распоряжаться своей и чужой свободой, действуя как с той, так и с другой стороны иерархий. Их диалог при этом ведется поверх голов людей, равно воспринимаемых как хор безликих статистов.

Время, необходимое для организации провокативных и масштабных проектов, сжимается, возможности же воплощения, пространство действия многократно расширились. Мир сегодня — источник полифоничных замыслов, тестовая площадка виртуозных технологий, спарринг-партнер высокоадаптивных рефлексов, полигон конфликтов между производством контента и управлением им.

Для неформальной, но влиятельной элиты, выстраивающей смысловые коридоры, обнаруживающей червоточины в среде стратегической неопределенности, характерны синергичная комбинаторика, сила умной гибкости, персональное разделение рисков, нестандартность решений, высокий градус самоорганизации и креативности. Демонстрационный характер ряда акций уживается с непубличностью других. Амбициозные сообщества не слишком нуждаются в институционализации претензий — по крайней мере, в прежнем смысле, — что оборачивается проблематичностью декодирования внешне иррациональных связей, анонимностью значимых событий либо мультисубъектностью неоднозначных инициатив.

Действуя поверх социоконструкций (подчас самой кон-

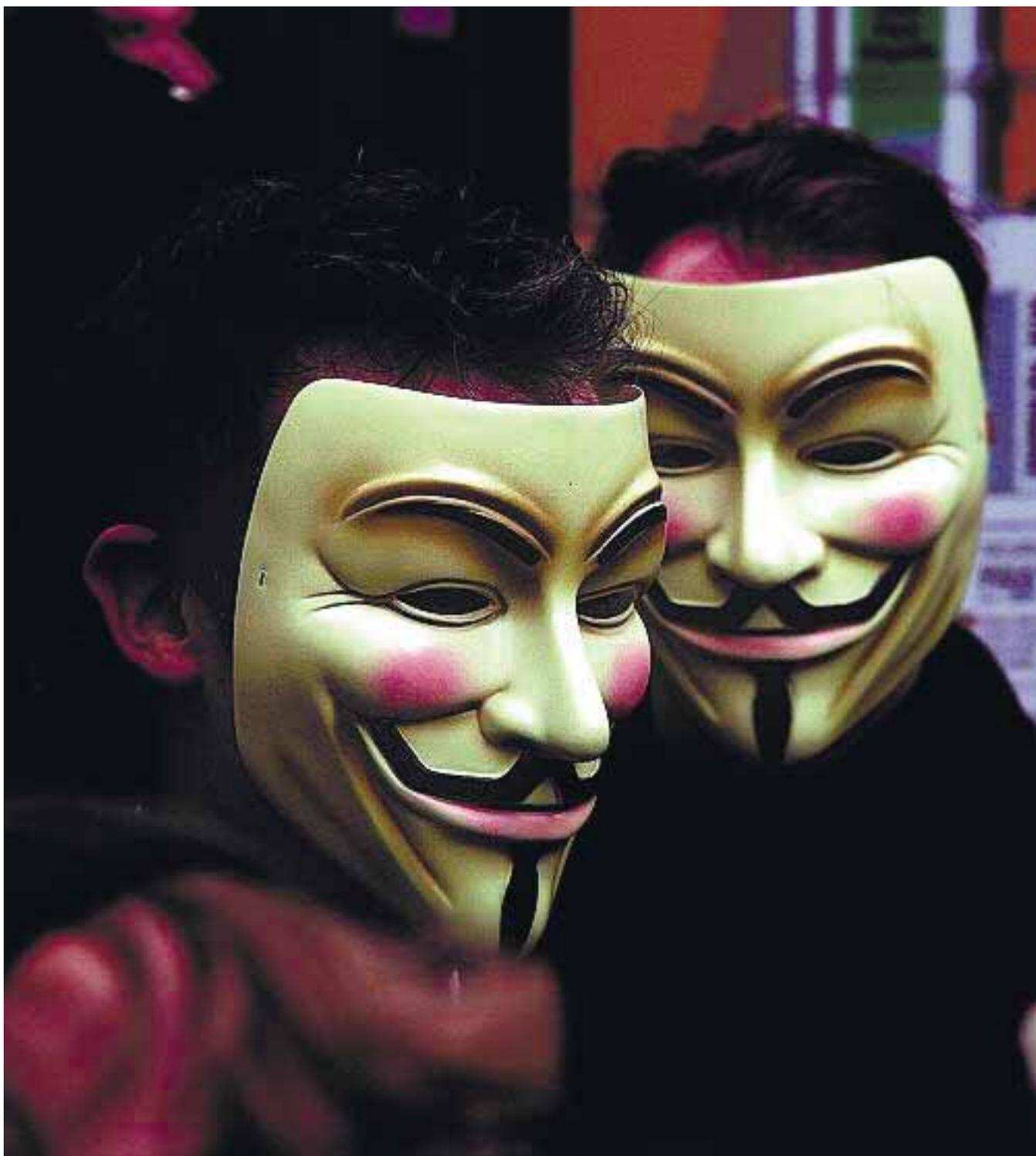
структивности), неклассические операторы отличаются произвольным толкованием закона, прямым небрежением им, тягой к точечному, акцентному усилению, дискретному героизму, системному и хаососложному («эффект бабочки») терроризму. Но, пожалуй, правильнее сказать: они не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики, утрачивающие бывшее значение и обретающие черты спектакля и карнавала.

■

Все же нынешняя сценография — своеобразная большая пауза: перерезаемая пуповина Постмодерна, его незастроенное предместье и всполохи постцивилизации.

Этот смутный театр теней — логово освобожденного творчества Франкенштейна: симбиоз набросков либретто и черновых, на скорую руку прописанных мизансцен. Порою, как и всякая химера, причудливого свойства. Однако перечень даже первых кадров постсовременного синемаатографа впечатляет. Радиация лучистых семантических облаков. Не вполне сочленяемая в логике и протоколах виртуальность. Глубокоэшелонированные губки коммуникаций. Токсичная финансово-цифровая хрематистика. Офшорная клептократия. Неприкаянные призраки национальных и космополитичных откровений. Эпидемии мемов. Экзотика партисипативных движений и гражданских ансамблей. Витальный магнетизм флешреволюций. Талые воды весны народов... Да и упоминавшийся гиньоль терроризма. Все это заметно повлияло на ментальность человека, усомнившегося в представлениях о реальности.

История, нанося удары, творя прорывы, зигзаги, расплывается вполне полновесной ва-

Неклассические операторы отличаются произвольным толкованием закона, прямым небрежением им, тягой к точечному усилию, системному и хаососложному терроризму. Они игнорируют институты публичной политики, утрачивающие былое значение и обретающие черты спектакля и карнавала.

лютой — опытом. Исследователи, вычерчивая, стирая и переписывая географию многомерного глобуса, задумы-

ваются: что сулят миру обретаемые координаты? И каковы теперь правила игры на планете?

■ Культурный шок обостряет ностальгию. Травмы, кризисы, перевороты провоцируют перебои ритма: они — кризисные управляющие механики, а заодно и инструменты перемен. Инерционность жизни, ее интерактивность (политичность) вынуждает скорее амортизировать, нежели решать крип-

тографированные задачи. Результат ситуационного консенсуса — обманчивая пауза, затем разброд, инволюция. Ну, а броски поверх барьеров привносят разделение, случается — раздробление, регистров. И сияние Глобального Града обретается порой в переливчатой мозаике осколков. Через пятьсот лет после вхождения в серебристые покои Нового света люди обнаружили порог, за ним — медные врата Нового мира. Двери распахнуты, однако некогда увитые плющом железобетонные столпы новой Ойкумены — *Twin Peaks*, или «ахиллесовы ноги» истукана цифрового азарта — невидимой рукой ввергнуты в прах.

Тиражируемая СМИ, фабриками грез картография грядущего навязчиво апокалиптическая, но вместе с тем карикатурна, конъюнктурна, фрагментарна. В среде умножающихся *X-files* цивилизация стремится удержать начала, наращивая

на изнеженное, израненное тело плотную кожу. Переходя из мира дьявольских альтернатив, чудовищных ошибок, творимых ради продления жизни и удержания ада, к многолюдному обществу, где прежние ценности ни во что не ставятся, а человеческая жизнь дешевле, чем на невольничьих рынках древности.

«Корпорация Земля»

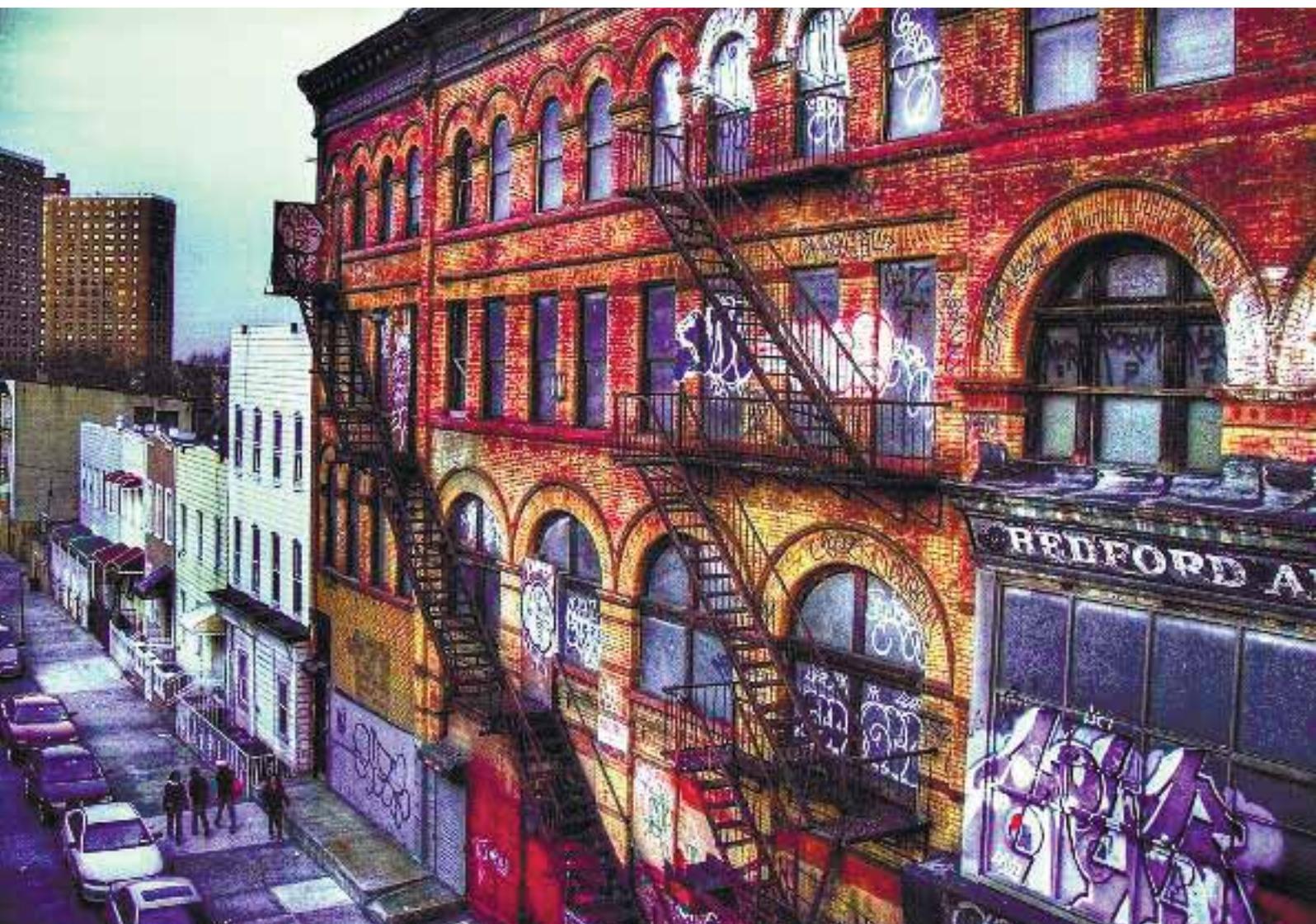
На пороге XXI века распался прежний формат отношений Запада и Востока, Севера и Юга. Мировой Север и мировой Юг — это не «Север», «Юг» двадцати—тридцатилетней давности. Парящий в ожерелье из спутников контроля и связи град Нового Севера — трансграничный планетарный кампус, унипо-

лярный портал, где генерируются протоколы поведения, вершится конвергенция элит.

Генетически данный мир восходит к североатлантической цивилизации, однако обладает собственным целеполаганием, плотной виртуальной телесностью, протееобразной иерархией, калейдоскопичной, многомерной топографией.

Летучая Лапутания озабочена не столько идеями мирового баланса, стабильности суверенитетов, культуртрегерской экспансии, сколько доминированием над динамичными сюжетами практики — амплитудами мирового дохода, траекториями ресурсных потоков, модификацией средств господства, капитализацией нематериальных кладовых. И

Одно из сокровищ, извлекаемых из кладовых всевластья, — ресурс смерти: деструкция, возведенная в ранг цели и абсолюта. Другими словами, смысл жизни прочитывается как жгучее, неистовое стремление реализовать свой единственный неотчуждаемый земной ресурс — смерть.

Обитатели Юга – легионы вирулентных лангольеров, рассеянных на ограниченных земными пределами территориях. Их статус – пожиратели времени, профессиональные безработные, кормильцы родов, наемники-кондотьеры, обезличенные работники общечеловеческой мастерской.

дирижированием более экзотичными отраслями – сооружением смысловых тоннелей, вернисажами галерей от мастерских артефактов, эмиссией искусных абстракций, отысканием нелинейных синкоп. Будущее при определенных условиях может расцениваться как трофей.

Концерт интерсообщества карточных администраций, контрэлит, астероидных групп, теневых картелей исполняет композицию, перенасыщенную импровизациями и обер-

тонами. Единицей идентичности становится инструмент – тип деятельности либо принадлежность к сегменту оркестра – влиятельному клану. И менее всего это игра для публики в зале – насельников национальных подворий.

■ На теневой стороне Луны течет своя жизнь. Интерлюдия глобального («глубокого») Юга – номады миноритарных владельцев «Корпорации Земля» – бескрайняя погра-

ничность, рассеянная на клочках и делянках планеты.

Пестрая неоархаика пестует, холит экзотику – заумь конспирологии, симулякры государственности, произвол валлеологизированной (наполненной имплицитным насилием) паразитики, сопровождаемые асимметричным эхом «прямого действия».

Отвергаются либо извращаются коды поведения, характерные для былого «большого социума», а конфессиональное и социальное подчас меняется местами. Или синтезируется. Квазипайщики пытаются доосмыслить, спроектировать, утвердить собственные правила дорожной карты в сетях и нетях актуальной истории. Действовать по нынешним

правилам для них бессмысленно: прекарии остаются маргиналами, не имея ни контракта, обеспечивающего доступ к авуарам цивилизации, ни прямых представителей в глобальном совете директоров.

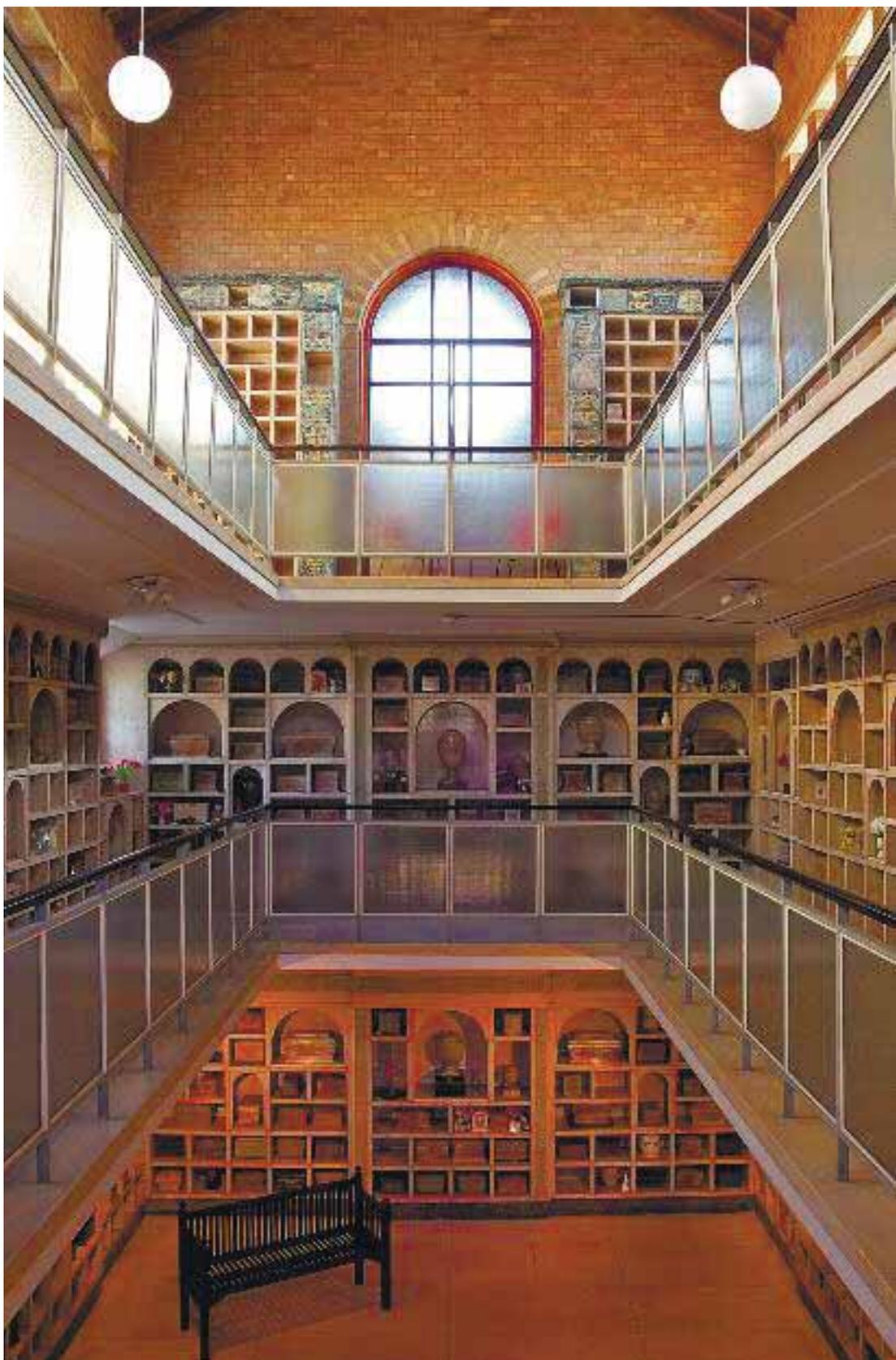
Впрочем, в катакомбах морлоков и прежде возникали мыслители, деконструкторы, несхожие между собой, одержимые, однако, единым желанием подвести мины под рельсы несущегося локомотива Модернити. Сегодня рыцари плутовских личин и господа гексогена также взыскуют *magisterium*, способный преобразить маргинала в признанную *urbi et orbi* силу...

Но кое-что меняется.

Одно из сокровищ, извлекаемых из кладовых всевластья, — ресурс смерти: деструкция, возведенная в ранг цели и абсолюта. Другими словами, смысл жизни прочитывается не как поступательное движение к сияющему граду и даже не как снятие обременений, комфортное обустройство быта, а жгучее, неистовое стремление реализовать свой единственный неотчуждаемый земной ресурс — смерть.

Перекресток

По планете расплзается архипелаг глобальных пропорций. Призрачная квазигосударственность пиратских республик на побережье Африканского Рога. Кровавая перекройка юго-западного Судана. Территория перманентной войны у Великих озер. Сепаратная зона племен в Пакистане. Революционно-криминальные ареалы сельвы. Прочие головоломки «золотых» треугольников, звезд, полумесяцев. Непосещаемые чужаками гетто. Инсургенты и смертники. Армии детей и куски мяса, завернутые в страницы Библии... Все это вотчины и полигоны миноритариев «Корпорации Земля».

Планомерная, тотальная деконструкция всей суммы «плодов просвещения» способна творить радикально иную вселенную — цивилизацию смерти, архитектоника которой замкнута на сакральность окутанного дымом печей некрополиса.

**Идея корректировки истории жертвой – та идея, на которой зиж-
дилась двухтысячелетняя цивилизация, – предельно извратил-
лась, обретая совершенно нехристианское звучание. Пробивается
новая история, чьи огненные руны пока непривычны, но картогра-
фия уже обозначена руинами.**

Сегодня большинство проводимых ими сделок контролируется, векселя часто ничтожны, однако имеют шанс стать полновесной валютой, будучи обеспеченными щедро расточаемой смертью. Чужой и своей. Вкладывается же в данное понятие несколько иной от привычного смысл. Ресурс востребован на рынке, пользуется спросом в среде комплексных операций. Порою он неплохо конвертируем в другие виды как экзотических, так и конвенциональных валют. Физиология смерти вшивается острой иглой и крепится кожаными заплатками на ветхой ткани политических/экономических игр.

■
Обитатели Юга – легионы вирулентных лангольеров, рассеянных на ограниченных земными пределами территориях. Их статус – пожиратели времени, профессиональные безработные, кормильцы родов, наемники-кондотьеры, обезличенные работники общечеловеческой мастерской. Шаг за шагом они настигают настоящее, вгрызаются в будущее и наследуют обугленные земли. Претензии на пересмотр конвенционального номоканона не купируемы дополнительной эмиссией акций (включая виртуальные кладовые). Эти люди нередко сами ищут смерти. Но на определенных условиях. В грезах нищенствующих нибелунгов проблескивают трансэкономические мотивы. Всадник на бледном коне имеет шанс стать взыскемым героем – носителем неожиданных доблестей и странных добродетелей. «Кто знает, эта жизнь не есть ли смерть, и смерть не есть ли жизнь для смертных»? А привитая, вынужденная либо показная покорность не исключает желания время от времени демонстрировать – даже в огороженных частото-

лом метрополисах — зубы звезды в ночи.

■ Управление кризисами, инволюция/эволюция рисков, согласно пометам в рецептуре, приводит как к разрешению конфликтов, так и к форсажу турбулентностей. Самоорганизующаяся критичность может оказаться привычно сослагательным вывихом и, опрокинув в какой-то момент удерживаемый порядок вещей, выскользнуть, кардинально изменив понимание истории.

В повседневности случались повороты и перевороты, когда замыслы, идеалы летели прочь с ломающейся на ходу повозки. А следы копыт заматались переменчивыми ветрами. Несокрушимая же и легендарная цивилизация, словно труп Атлантиды, в одночасье погружалась в Лету.

Речь, однако, идет о другом — о легализации транзитной неравновесности в качестве перманентного состояния бытия.

«Захвати будущее!»

Когда над жизнью нет судии — мир начинает грезить концом истории, антропологической катастрофой, постчеловеческим универсумом. Или культурой смерти.

Но если судия есть, однако приговор обвинительный? В возникшей сумятице постсекулярная вольница вскроет ледорубами погреба онтологического первенства ничто, извлекая скользкую и холодную мысль о допустимости и благе деструкции. Возможно безбожия. Чаще — инобожия.

Планомерная, тотальная деконструкция всей суммы «плодов просвещения» способна творить радикально иную вселенную — цивилизацию смерти, архитектура которой замкнута на сакральность окутанного дымом печей некрополиса — символа торжества перверсивных (с

позиций нынешней психологии) характеров, бездонных колодцев и головокружительных коллизий.

Усмешка холодного разума — в коммерческом характере предложения, ибо есть выбор: «раствориться в небытии» либо «обрести сразу и вдруг бытие иное». То и другое, как говорится, без гарантий.

■ Одновременно с обрушением башен-близнецов скособоличился, поблек практикабель прошлого столетия, ранее уже поврежденный, прочерченный трещинами Освенцима и ГУЛАГа, Камбоджи и Руанды и т.д. На подмостках исторической сцены обнаружилась потаенная ипостась постсекуляризма, его темный близнец — союз мизераблей и людей тени, обративших в «святую рутину» плоды искушения закулисным действием.

Зло, освобождаясь от пут цивилизованности, по мере обретения сил получает возможность, произведя на свет иную версию Возрождения, испытать свою Реформацию.

Прилежный аспирант, выпускник университетов Крысолова, крошка-горнист — юный схимник армии освобождения выходит из пещер на агору с песней-побудкой. И прибывает к дверям храма, изъеденным жуком-древоточцем, повестку, предъявляя отложенные прежней цивилизацией права на эксперимент — строительство масштабной исторической траектории на основе собственной версии всепоглощающей жертвенности. И рассчитывает при этом на не менее грандиозное ее разрешение.

Ибо ход истории зависит не только от держателей векселей и реестров, но и от совокупной жертвы, выбора человечества. Удивительно, большинство людей, несмотря на привычные недостатки, не любят, когда цветы топчут, а младенцев

убивают. Однако проходят с широко закрытыми глазами мимо расползающихся трещин земли. Вечно юная весна народов — в людской крови, и омывается она той же кровью. В условиях, когда власть нагло, деспотично подавляет личность, души милосердие, пародирует справедливость, осмеивает благородство, с корнями выпалывая ростки «прекрасных порывов», лишь уникальная жертва способна одержать верх над взбесившейся реальностью.

■ Горький привкус последней сентенции опознается сознанием, пребывающим в шоке от опасения нуклеарного распада основ. Кажется, такое лекарство лучше любого наркотика способно продлить союз с холодной жизнью, при других обстоятельствах вызывающей омерзение.

В лабиринтах мирового андеграунда, подобно ленте Мёбиуса, связавшей призрачными эскалаторами пузыри земли с воздушными островами, для слишком многих путешественников приоткрываются «кладовые жертвы». Промышляют же опасным ресурсом немногие — глубоко лично, интимно, каждый по-своему. Однако все более массово.

Ну, а умные/безумные головы открывают не только версии ОМП: здесь ведь Клондайк века сего — веером разворачивающиеся тропы стратегического селектива.

Идея же корректировки истории жертвой — та идея, на которой зиждилась двухтысячелетняя цивилизация, — предельно извратилась, обретая совершенно нехристианское звучание. Прежняя история заканчивается. Параллельно, сквозь клише и стереотипы, пробивается новая история, чьи огненные руны пока непривычны, но картография уже обозначена руинами. (E)